

Archibald Joseph
CRONIN
1896–1981

Арчибальд
КРОНИН

*Вычеркнутый
из жизни*

Северный свет

Романы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 83

A. J. Cronin
BEYOND THIS PLACE
Copyright © A. J. Cronin, 1953
THE NORTHERN LIGHT
Copyright © A. J. Cronin, 1958
All rights reserved

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой, Наталии Ман, Ирины Гуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

© Т. А. Кудрявцева (наследник), перевод,
1959, 1991
© Н. Ман (наследник), перевод, 1991
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1959
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-20587-1

*Вычеркнутый
из жизни*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Вечером по средам мать Пола, окончив работу в муниципалитете, садилась на трамвай и отправлялась к мессе в церковь Меррион. Пол, прослушав лекцию по философии, которая начиналась в пять часов, заходил за ней по дороге из университета. Но в эту среду Пола задержал профессор Слейд, и когда, освободившись, он взглянул на часы, то решил идти прямо домой.

Был июнь, и чудесный тихий вечер придавал своеобразную прелесть даже прокопченным домам Белфаста. На фоне янтарного неба крыши и трубы этого города в Северной Ирландии вдруг утратили свою прозаичность и стали таинственно-прекрасными, как сказочный замок. Пол свернул на Лейм-роуд, тихую боковую улочку с плотно примыкающими друг к другу кирпичными домами, — в одном из них, под номером двадцать девять, он с матерью занимал трехкомнатную квартиру на первом этаже, — и вдруг почувствовал, как волна радости захлестнула его.

Пол постоял с минуту на крыльце — ничем не примечательный молодой человек, без шляпы, в поношенном шерстяном костюме, — глубоко вдыхая ласковый, тихий воздух. Затем круто повернулся и вставил ключ в замок.

На кухне пела канарейка. Подсвистывая птице, Пол снял пиджак, повесил его в прихожей, затем по-

ставил на огонь чайник и принялся накрывать на стол к ужину. Через несколько минут никелированный будильник на каминной доске прозвонил семь часов, и он услышал шаги матери у двери. Пол весело поздоровался с ней, когда она вошла, — сухопарая, утомленная женщина, в строгом черном платье, слегка согнувшаяся под тяжестью неизменной хозяйственной сумки.

— Извини, что не зашел за тобой, мама, — с улыбкой начал Пол. — Дело в том, что Слейд взял меня на работу. Или, вернее, почти что взял.

Миссис Бёрджесс пристально посмотрела на сына. Прядь тусклых, с сильной проседью волос, выбившаяся из-под видавшей виды шляпы, изборожденный морщинами лоб и прищуренные близорукие глаза усугубляли общее впечатление усталости. Но это напряжение выражение постепенно исчезло под открытым и веселым взглядом сына. Благодарение Богу, у него хорошее лицо, подумала она, не слишком красивое (и снова она возблагодарила Всевышнего за то, что он уберег ее сына от опасностей, которыми чревата излишняя красота), но прямое и открытое; быть может, чересчур худощавое (от усиленных занятий) — скулы так и выпирают, однако кожа чистая, здоровая, глаза серые, очень светлые, и высокий лоб обрамлен коротко стриженными каштановыми волосами. Да и сложен он хорошо — отличная фигура, только вот слегка загребает правой ногой при ходьбе, после давнишней футбольной травмы.

— Я рада, что все устроилось, сынок. И знаю: только серьезное дело могло помешать тебе зайти за мной... Элла и мистер Флеминг спрашивали о тебе.

Она скатала в клубок нитяные перчатки и, окинув хозяйским глазом стол, вынула из сумки ветчину, завернутую в пергаментную бумагу, и пакетик с малень-

кими пшеничными лепешками, которые любил Пол. Мать и сын сели за стол и, после того как миссис Бёрджесс прочитала молитву, принялись за скромный ужин. Пол видел, что мать довольна, хотя и старается это скрыть.

— Мне так повезло, мама: три гинеи в неделю. И занят я буду все девять недель — до самого конца каникул.

— И потом, все же какая-то перемена после того, как ты столько сидел не разгибаясь перед экзаменами.

— Конечно, — кивнул он. — Преподавать в летней школе — тот же отдых.

— Бог милостив к тебе, Пол.

Он подавил улыбку:

— Я должен сегодня вечером отнести профессору Слейду свидетельство о рождении, — заметил он.

Наступило молчание. Низко пригнувшись к чашке, мать взяла ложечку и сняла плававшую на поверхности чаинку.

— А зачем им понадобилось свидетельство о рождении? — каким-то глухим голосом спросила она.

— О, чистая формальность, — небрежным тоном пояснил Пол. — Они не хотят брать на работу студентов, которым нет двадцати одного года. Я еле убедил Слейда, что мне уже в прошлом месяце стукнуло двадцать один.

— Он что, не верит тебе?

Пол вскинул голову и в изумлении посмотрел на сидевшую напротив мать:

— Вот уж никак не ожидал от тебя такого предположения, мама! Он просто выполняет обычные формальности. Школьному совету требуется мое заявление вместе со свидетельством о рождении.

Миссис Бёрджесс ничего не сказала. И Пол после краткого молчания принялся в несколько юмористи-

ческих тонах описывать свой разговор с профессором, одновременно выполнявшим обязанности директора летней школы в Портри. Допив третью чашку чая, он встал из-за стола. И это словно вывело из оцепенения мать.

— Пол, — вдруг остановила она его, — я... я не вполне уверена... Что-то не нравится мне эта идея насчет преподавания в Портри.

— Что?! — воскликнул он. — Но ведь мы уже сколько времени только об этом и говорим, мы оба так надеялись, что я смогу туда поехать.

— Это значит, что нам придется расстаться. — Она помолчала и снова опустила глаза. — Потом, тебе будет недоставать Флемингов по субботам и воскресеньям. И Элла будет очень огорчена. Лучше отказаться от этого намерения.

— Какая ерунда, мама! Ты волнуешься по пустякам.

Он с легким сердцем опроверг все ее доводы и, прежде чем она успела что-либо возразить, вышел в коридор, чтобы у себя в комнате написать заявление.

Это была маленькая комната, окнами на улицу, служившая одновременно спальней и кабинетом. По стенам, оклеенным светлыми обоями, висели в рамках фотографии футбольных и хоккейных команд. На каминной доске красовалось несколько кубков и прочих трофеев, которые Пол время от времени получал на университетских спортивных состязаниях. Под окном помещался книжный шкафчик, где наряду с популярными романами стояли и более серьезные книги — по преимуществу классика, — свидетельствовавшие о развитом и хорошем вкусе. В нише напротив, за зеленой ситцевой занавеской, виднелась узкая кровать, на которой он спал; у стены — простой стол, где рядом с расписанием занятий аккуратной стопочкой лежали записи лекций. Все здесь без слов характери-

зовало Пола, указывало, что у него здоровое тело и живой, восприимчивый ум. Если бы вам вздумалось отыскать в этой комнате какой-то недостаток, то за таковой могла бы сойти разве что педантичная аккуратность, говорившая об известной сухости ее обитателя, о его чрезмерном стремлении к безупречности, вероятно, под влиянием матери, склонной вечно учить и наставлять.

Пол присел к столу, отвинтил колпачок вечного пера и, распрямив плечи, прижав локти к бокам, по всем правилам заполнил бланк заявления. Потом внимательно его перечитал, желая удостовериться, что ничего не напутал, удовлетворенно кивнул и вышел в гостиную:

— Будь добра, мама, дай мне свидетельство. Мне хотелось бы скорее отослать все документы, чтобы они успели уйти с девятичасовой почтой.

Мать, сидевшая за неубранным столом все в той же позе, в какой он ее оставил, подняла голову.

— Я что-то не припомню, где оно, — неестественно звонким голосом, слегка покраснев, сказала она. — Так сразу мне его не найти.

— Ну что ты, мама! — Пол взглянул на комод с закругленными краями, где она хранила все свои бумаги, две-три фамильные драгоценности, Библию, очки и прочие мелочи. — Наверное, лежит у тебя в верхнем ящике.

Она смотрела на него, слегка приоткрыв рот, так что видны были плохо пригнанные искусственные зубы. Краска исчезла с ее лица. Она поднялась, вынула из сумочки ключ и отперла верхний ящик комода. Стоя спиной к Полу, она минут пять старательно там рылась, затем задвинула ящик и повернулась к сыну.

— Нет, — вяло проронила она. — Я не могу его найти. Его здесь нет.

Пол в досаде прикусил губу. Он был покорный и любящий сын, с детства воспитанный в строгости и послушании, но сейчас поведение матери казалось ему совершенно непонятным.

— Право, мама, это все-таки важный документ, — стараясь говорить спокойно, произнес он. — И мне он нужен.

— А откуда мне было знать, что он тебе понадобится? — Голос ее вдруг задрожал от обиды. — Бумаги вечно куда-то пропадают. А ты знаешь, что мне пришлось вынести: столько лет прожить без мужа, вырастить сына, одной нести бремя забот — это не всякой женщине по плечу. Сколько трудов стоило сохранить крышу у нас над головой, дать тебе хорошее образование! Уж поверь, мне было не до того, чтобы сберегать какие-то бумажки, которые к тому же и положить-то порой некуда.

Эта вспышка, совершенно несвойственная ее сдержанной натуре, немало озадачила Пола: он просто не находил объяснения. Но у матери было такое суровое лицо — предостерегающий знак, который он давно научился распознавать, — что лучше было не вступать с ней в препирательства. И он спокойно сказал:

— К счастью, можно ведь получить дубликат. Надо только написать в Лондон, в Сомерсет-Хаус¹. Я сегодня же это сделаю.

Она жестом отклонила предложение сына; теперь голос ее звучал уже спокойнее.

— Не твоя забота писать туда, Пол. — И, поймав его озадаченный взгляд, добавила: — Не будем волноваться из-за пустяков. У меня был сегодня не очень-то легкий день. А завтра я пошлю запрос о свидетельстве на бланке муниципалитета.

---

¹ *Сомерсет-Хаус* — центральное хранилище записей рождения и смерти, зарегистрированных завещаний и т. п.

— Ты не забудешь?
— Пол!
— Извини, мама.
— Все будет в порядке, дорогой. — Дрожащая улыбка промелькнула на ее лице. — Теперь зажги газ. Я уберу со стола. Пора уже спать.

ГЛАВА 2

Следующие два дня Пол был очень занят. Университет Квинс закрывался на летние каникулы, и в связи с окончанием учебного года у Пола оказалось множество дел. По просьбе студентов ему предстояло аккомпанировать на ежегодном выступлении студенческого хора. Уйму времени заняли розыски куда-то завалившейся библиотечной книги. В последнюю минуту оказалось, что надо еще сдавать практическое занятие по химии, и Пол, как всегда, с волнением ждал результатов экзамена. И когда списки были вывешены, выяснилось, что он занял отнюдь не последнее место. Пола любили в университете: он был хорошим студентом, приятным собеседником и отличным спортсменом. Впрочем, популярность его могла бы быть и большей, если бы кое-кто из студентов, особенно медики — публика вообще малопрятная, — не высмеивал его исподтишка за примерное поведение и не обзывал святошей, когда он отказывался принять участие даже в невинных развлечениях.

Раз или два среди этой суеты Пол все же вспоминал недавнее объяснение с матерью; ее вид явно свидетельствовал о том, что она чем-то угнетена. Она нервничала, была бледнее обычного и то и дело погружалась в какую-то непонятную задумчивость. Правда, несмотря на властный от природы характер и су-

ровые жизненные испытания, которые, казалось бы, должны были закалить ее, она частенько давала волю нервам. Помнится, в первые дни их жизни в Белфасте она вздрагивала и менялась в лице от каждого стука в дверь. Но это было совсем не похоже на то, что творилось с ней сейчас, словно тайная тревога неотступно преследовала ее. И в четверг, и в пятницу она после ужина ходила к пастору и самому давнему их другу Эммануэлу Флемингу, настоятелю церкви Меррион, и примерно через час возвращалась оттуда, несколько успокоенная, но измученная, с покрасневшими глазами, в которых застыл испуг.

В четверг утром Пол напрямик спросил ее, получила ли она ответ из Сомерсет-Хауса.

— Нет, — ответила она.

Потом он несколько раз порывался расспросить ее подробнее, но привычка считаться с матерью и беспрекословно ее слушаться удерживала его. Ведь ничего плохого не могло быть, ровным счетом ничего. Однако странное поведение матери озадачивало его, и он пытался найти ему объяснение в прошлом. Но прошлое у Пола было такое простое и заурядное.

Первые пять лет своей жизни он провел на севере Англии, в Тайнкасле, где и родился. От этого периода в его памяти сохранились лишь смутные воспоминания о стуке клепальных молотков и пронзительное по утрам сирены, сзывавшей рабочих в доки. И он помнил отца — веселого, удивительно благодушного человека, который по воскресеньям брал сына за руку и отправлялся с ним в Джесмонд-Дин, где они пускали по пруду кораблики, сделанные из синей плотной бумаги. Когда сынишка уставал, отец садился с ним где-нибудь в тени на парковой скамейке и рисовал все, что попадалось на глаза: людей, собак, лошадок, деревья. Получались чудесные картинки, которые ма-

нили и разжигали детское воображение. А когда наступали будние дни, отец, возвращаясь вечером домой, неизменно приносил разноцветные фрукты из марципана: землянику на зеленых стебельках, желтые бананы, розовощекие персики, прелестные на вид и вкус, — все это изготовлялось кондитерской фирмой, где он служил коммивояжером. Вскоре после того, как был отпразднован день рождения Пола, семейство переехало в Уортли — большой город, расположенный в сердце Англии. От жизни там у Пола остались более серые и менее счастливые воспоминания: дым, дождь, толкотня на улицах, пламя, вылетающее из труб сталелитейных заводов, мрачные лица родителей и в завершение — отъезд отца по делам в Южную Америку. О, каким ударом была для мальчика потеря этого близкого веселого друга, с каким нетерпением он ждал его возвращения, а затем, словно в подтверждение предчувствий, теснившихся в детском сердце, каким неописуемым горем была весть о том, что отец погиб в железнодорожной катастрофе под Буэнос-Айресом.

И вот печальный пилигрим, которому не было еще и шести лет, прибыл в Белфаст. Здесь, с помощью Эммануэла Флеминга, его мать поступила на работу в бухгалтерию городского отдела здравоохранения. Жалованье она получала маленькое, но все-таки это был постоянный источник существования, позволявший вдове иметь крышу над головой и, проявляя чудеса экономии и самопожертвования, дать образование сыну и подготовить его к преподавательской деятельности. Пятнадцать лет она тянула эту лямку, и вот он стоит на пороге окончания университета.

Оглядываясь назад, Пол подумал, какого напряжения стоила матери жизнь, вынуждая ее ограничивать свое существование в Белфасте крайне узкими

рамками. Ведь мать никуда не ходила, если не считать частых посещений церкви. У нее не было иных знакомых, кроме пастора Флеминга и его дочери Эллы. Миссис Бёрджесс едва ли знала своих ближайших соседей. Из-за этого и Пол держался в университете обособленно, не проявляя общительности: ему всегда казалось, что мать неодобрительно относится к друзьям. Его это раздражало, однако он отлично сознавал, сколь многим обязан матери, да и вообще привык подчиняться ее требованиям, а потому терпел.

В прошлом он объяснял замкнутость матери ее чрезвычайной и воинственной религиозностью. Но, видя, как она ведет себя сейчас, подумал, нет ли тут какой-то другой причины. И ему пришел на память один случай: год назад он удостоился приглашения участвовать в международном соревновании по регби между Ирландией и Англией. Казалось бы, ничто не могло больше польстить материнскому сердцу. Однако мать категорически запретила ему принять приглашение. Почему? Тогда он так и не смог найти ответ. А сейчас, казалось, он угадал причину. И в самом деле, весь ее образ жизни, это тщательно оберегаемое уединение, это желание избегать каких-либо знакомств, эта боязнь общения, это страстное упование на Всевышнего — все (и сердце у него сжалось от таких мыслей) указывало на то, что человек, ведущий такую жизнь, скрывает какую-то тайну. В субботу миссис Бёрджесс работала только полдня и в два часа уже пришла домой. К этому времени Пол принял твердое решение поговорить с ней начистоту. Погода испортилась, шел дождь. Миссис Бёрджесс, оставив зонтик в прихожей, вошла в гостиную, где сидел Пол и листал книжку. Ее вид испугал его: лицо у нее за эти дни стало совсем серым. Но держалась она спокойно.

— Ты ходил на ланч, сынок?

— Я съел бутерброд в клубе. А ты?

— Элла Флеминг угостила меня чашкой какао.

Он быстро вскинул на нее глаза:

— Ты опять была там?

Она устало опустилась на стул:

— Да, Пол. Я опять была там. Молилась Всевышнему и просила, чтобы Он наставил меня.

Оба помолчали, затем Пол выпрямился и крепко сжал ручки кресла:

— Мама, так больше продолжаться не может. Творится что-то неладное. Скажи: ты получила наконец свидетельство?

— Нет, сынок. Не получила. Я даже и не писала туда.

— Но почему же?

— Потому что оно все время находилось у меня. Я солгала тебе. Оно и сейчас у меня — вот здесь, в сумочке.

Гнев Пола сразу остыл. Он в изумлении смотрел на мать, а она порылась в сумке, лежавшей на коленях, и вынула оттуда серовато-голубую, сложенную вчетверо бумагу.

— Долгие годы я скрывала это от тебя, Пол. Сначала думала, что не смогу — так мне было мучительно и трудно. Услышав шаги на лестнице, чей-то громкий голос на улице, я начинала дрожать. «Вот сейчас он узнает все», — думала я. Но по мере того, как шли годы и ты вырослел, мне начало казаться, что с Божьей помощью все удалось... И однако же, Богу было угодно, чтобы все вышло наоборот. Я опасалась чего-то большого, серьезного, а вот ведь совсем ничтожный случай, такой пустяк, как преподавание в летней школе, — и мои труды пошли прахом. Может быть, все и так рано или поздно открылось бы. Во всяком случае, таково мнение пастора. Я просила его помочь мне

оттянуть развязку. Но он сказал: «Нет». Сказал, что ты уже взрослый и должен знать правду.

С каждым словом волнение ее возрастало, и, хотя она и старалась держаться спокойно, из ее груди вырвался тяжкий стон. Рука, протягивавшая сыну свидетельство, дрожала. Словно во сне, Пол взял бумагу, взглянул на нее и сразу увидел, что там стоит другая, не его фамилия. Вместо «Пол Бёрджесс» значилось: «Пол Мэтри».

— Здесь какая-то ошибка. — Он замолчал, отвел взгляд от бумаги и пристально посмотрел на мать; фамилия Мэтри напоминала ему о чем-то. — Что это значит?

— Когда мы переехали сюда, я приняла свою девичью фамилию — Бёрджесс. А вообще, я — миссис Мэтри, отца твоего звали Риз Мэтри, а ты — Пол Мэтри. Но мне хотелось забыть это имя. — Губы ее задрожали. — Мне хотелось, чтобы ты никогда не знал его и не слышал.

— Почему?

Снова наступило молчание. Миссис Бёрджесс опустила глаза и еле слышно сказала:

— Чтобы ты избег... страшного позора.

Сердце у Пола бешено колотилось, он ждал не шевелясь, когда она вновь заговорит. Однако это, казалось, было выше ее сил. Она в отчаянии взглянула на сына:

— Не заставляй меня продолжать, сынок. Мистер Флеминг обещал обо всем тебе рассказать. Иди к нему. Он тебя ждет.

Пол видел, что продолжать разговор для нее — попытка, но он ведь тоже страдал и потому был беспощаден.

— Продолжай, — еле слышно сказал он. — Ты обязана рассказать мне все.

Она заплакала — ее узкие плечи содрогались от конвульсивных рыданий. Никогда прежде Пол не видел мать в слезах. Немного погодя она судорожно глотнула воздух, как бы собираясь с силами, и, не глядя на сына, пробормотала:

— Твой отец не умер по пути в Южную Америку. Он пытался уехать туда, но был задержан полицией.

Пол ожидал всего, но только не этого. Сердце у него замерло, потом пульс учащенно забился где-то у самого горла.

— За что? — прерывающимся голосом спросил он.

— За убийство.

В маленькой комнатке наступила тишина. Убийство. Страшное слово эхом отдавалось в мозгу Пола. Он весь обмяк. Тело покрылось холодным потом, и он прерывистым шепотом спросил:

— Значит... его повесили?

Мать покачала головой, в ее глазах отразилась ненависть.

— Нам было бы лучше, если бы это было так. Его приговорили к смерти... но в последнюю минуту приговор отменили... Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме Стоунхис.

ГЛАВА 3

Дом пастора Флеминга, расположенный в деловом центре Белфаста, недалеко от Большого Северного вокзала, был уродливым узким строением, выкрашенным в серый цвет, под стать примыкавшей к нему церкви. Хотя Пол чувствовал безмерную физическую усталость, словно его долго колотили, — в пору забиться куда-нибудь в угол и не вылезать, — неудержимое желание узнать правду заставило его выйти на

мокрые, сверкавшие огнями улицы, где шумела субботняя толпа, и отправиться к пастору. Мать, придя в себя после обморока, легла в постель. А он понимал, что не заснет, пока не узнает подробностей, пока не узнает всего. В ответ на его стук в холле пасторского дома зажегся свет, и Элла Флеминг открыла дверь:

— А, Пол! Входи.

Она провела его в гостиную — комнату с низким потолком, уставленную мягкой мебелью и казавшуюся очень уютной благодаря темно-красным портьерам и огню, пылавшему в камине.

— Отец сейчас занят с каким-то прихожанином. Но это ненадолго. — На ее лице появилась слабая, приличествующая случаю улыбка. — На улице так сыро. Я приготовлю тебе какао.

Элла считала чашку какао панацеей почти от всех бед, что было вполне естественно для дочери приходского пастора, а Пол, хотя и вовсе не жаждал вкусить этого безобидного напитка, был слишком измучен, чтобы отказаться. Кажется это ему или безмятежность Эллы и в самом деле наигранна, а слегка поджатые губы указывают на то, что она знает о его беде? Пол машинально опустил в кресло; тем временем Элла принесла из кухни поднос, положила в чашку сахар и какао и, помешивая ложечкой, налила кипятку.

Она была на два года старше Пола, но стройная фигура с тонкой талией и бледное лицо делали ее похожей на девочку. Глаза у нее были зеленовато-серые, большие и выразительные. Ясные и мечтательные, они могли наполняться слезами и даже способны были метать молнии. Элла всегда заботилась о своей внешности, и сейчас на ней была скромная плиссированная юбка, черные чулки и свободная белая, тщательно отглаженная блузка с круглым вырезом.

Пол принял из ее рук чашку и молча выпил какао. Раз или два Элла отрывалась от вязания и вопросительно поглядывала на него. Она была от природы разговорчива и умела поддержать оживленную беседу: роль хозяйки, которую она взяла на себя в доме овдовевшего отца, привила ей известную светскую непринужденность. Но сегодня после нескольких замечаний о том о сем, на которые Пол никак не откликнулся, она лишь молча сдвинула свои красиво очерченные брови.

Вскоре из коридора донеслись голоса, затем хлопнула входная дверь. Элла тотчас поднялась:

— Я скажу отцу, что ты здесь.

Она вышла из комнаты, и мгновение спустя появился сам пастор Эммануэл Флеминг. Это был мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с большими нескладными руками. Одежда его не отличалась изысканностью: темные брюки, грубые рабочие башмаки и черный пиджак из альпаки, побелевший на швах. Его борода отливала сединой, но в широко раскрытых глазах застыло детски-наивное выражение.

Он подошел к Полу, с излишним пылом пожал ему руку, затем с подчеркнутым дружелюбием обнял за плечи:

— Ты пришел, мой мальчик. Я очень рад. Пойдем побеседуем.

Он провел Пола в свой кабинет — маленькую, спартанского вида комнату в глубине дома, с испещренным пятнами дощатым полом, в которой стояло лишь бюро светлого дуба с выдвижной крышкой, несколько дешевых стульев и застекленный книжный шкаф. Уродливые часы из зеленого мрамора, поддерживаемые золотыми ангелами, — чей-то дар — неуклюжей громадой возвышались на хрупкой каминной

доске, накрытой дорожкой с бахромой из бархатных шариков. Усадив гостя, пастор медленно опустился на свое место за бюро.

— Дорогой мой мальчик, это было для тебя, конечно, страшным ударом, — помедлив немного, дружеским, исполненным сочувствия тоном начал он. — Но главное, помни: такова воля Господа. Тогда тебе легче будет примириться с тем, что произошло.

Пол с трудом склотнул — в горле у него пересохло.

— Как я могу с чем-то мириться, когда не знаю, что произошло. Я должен все знать.

— Это печальная и тяжелая история, мой мальчик, — нахмурившись, произнес пастор. — Стоит ли ворошить прошлое?

— Нет, я хочу, чтобы мне все рассказали. Я должен выслушать эту историю, а не то мне все время будет казаться... — Он не договорил.

Наступило молчание. Пастор Флеминг, опершись локтем на бюро, прикрыл глаза большой рукой — казалось, в глубине души он взывал к Всевышнему о помощи. Это был добрый и благонамеренный человек, который уже давно, не жалея сил, трудился на ниве Божьей. Но взгляды его были довольно ограничены, и он нередко с грустью признавался себе, что все его усилия и старания пошли прахом. Он был одиноким и частенько предавался самобичеванию, корил себя даже за любовь к дочери, так как сознавал ее недостатки, мелочность, тщеславие, но слишком любил Эллу, чтобы попытаться это исправить. Трагедия его заключалась в том, что он жаждал быть святым, верным учеником Христовым, способным исцелять одним своим прикосновением и дарить радость пастве, проповедуя слово Господне, которое он сам так хорошо понимал. Ему хотелось парить в заоблачных высях. Но, увы, язык его был неуклюж, а ноги с трудом передвига-

лись — словом, он был прочно привязан к земле. Вот и сейчас пастор заговорил запинаясь, сухие, педантичные фразы слетали с его уст:

— Двадцать два года тому назад в Тайнкасле я обвенчал Риза Мэтри с Ханной Бёрджесс. Я знал Ханну уже несколько лет, она была одной из любимых моих прихожанок. Риза я не знал раньше, но это оказался приятный молодой человек с хорошими манерами, уроженец Уэльса. Он мне понравился и внушил доверие. У него было прекрасное место — он работал представителем крупной кондитерской фирмы в Северных графствах. Все говорило о том, что они должны быть счастливы, особенно после того, как у них родился сын. Я, дорогой мой мальчик, и окрестил тебя Полом Мэтри.

Он помолчал, как бы взвешивая то, что ему предстояло сказать.

— Не стану отрицать, в вашем семействе не всегда царило согласие. Твоя матушка была очень религиозной, как и подобает истинной христианке, тогда как отец, мягко говоря, придерживался более широких взглядов, и это, естественно, приводило к конфликтам. Мать, например, была решительно против употребления вина и табака — предубеждение, которого отец никогда не мог понять. К тому же работа вынуждала его проводить по крайней мере неделю в месяц вне дома, что, очевидно, разбалтывало его. А потом он любил заводить друзей, я сказал бы даже, что их было у него слишком много, так как он был красивый, приятный малый, и друзья эти не всегда оказывались людьми достойными. Мэтри встречался с ними в бильярдных, барах и прочих злачных местах. И все же вплоть до ужасных событий двадцать первого года ни в каких серьезных проступках я не мог его упрекнуть.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЧЕРКНУТЫЙ ИЗ ЖИЗНИ

Перевод Т. Кудрявцевой и Н. Ман 5

СЕВЕРНЫЙ СВЕТ

Перевод И. Гуровой и Т. Кудрявцевой 361

Кронин А.

К 83 Вычеркнутый из жизни ; Северный свет : романы / Арчибалд Кронин ; пер. с англ. Т. Кудрявцевой, Н. Ман, И. Гуровой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-20587-1

Пол Мэтри, будучи уже взрослым, узнает новость, которая кардинально переворачивает его жизнь: оказывается, его отец отбывает наказание в тюрьме за жестокое убийство девушки... С этого момента перед Полом встает только один вопрос: виновен ли отец на самом деле и как найти истинные причины и обстоятельства уже давно забытой всеми трагедии? Ему предстоит распутать дело 15-летней давности...

Генри Пейдж — редактор и владелец газеты «Северный свет», ставшей своего рода местной традицией в маленьком городке. На протяжении пяти поколений газета постепенно приобрела прочную репутацию принципиальности, объективности и добросовестности в подборе материала. И вот теперь могущественный газетный трест хочет ее купить. Но Генри не желает продавать газету и все силы отдает на борьбу с безжалостной монополией, чтобы сохранить свою веру, свою семью и даже саму свою жизнь.

«Вычеркнутый из жизни» и «Северный свет» написаны в великолепной повествовательной традиции таких романов Кронины, как «Замок Броуди», «Ключи Царства», «Цитадель».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ВЫЧЕРКНУТЫЙ ИЗ ЖИЗНИ
•
СЕВЕРНЫЙ СВЕТ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеве́рц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.12.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АКБ-29476-01-Р